

УДК 821.352.3
ББК 83.3 (2=Ады)
Ж 91
О.А. Журавлева

**Особенности поэтической формы в трактовке пушкинской темы Юнусом
Чуяко в романе «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой»**
(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматривается диалогия адыгейского писателя Юнуса Чуяко с целью раскрытия национального мироощущения прозаика как самобытного представителя своего народа. Анализируются особенности поэтической формы литературного произведения (роман-плач) и раскрывается содержательное его наполнение, в результате чего обосновываются объективные выводы о роли и месте адыгского народа в мировом сообществе, с одной стороны, и о созидательной силе романов Ю. Чуяко, с другой стороны.

Ключевые слова:

Пушкин, джегуако, песня-плач, обращение «А-Си», Черные горы, Черная речка, «людиться».

Ярким представителем адыгейской национальной прозы является Юнус Гарунович Чуяко, Лауреат литературной премии Союза писателей России «Образ», Государственной премии Республики Адыгея. В настоящее время Ю. Чуяко известен как автор «Кавказской диалогии», исторических романов, талантливо и оригинально переплетающих темы Кавказа, России, Пушкина и национальных отношений. «Кавказская диалогия» включает книги «Сказание о Железном Волке» (1993) и «Милосердие Черных гор, или смерть за Черной речкой» (2003).

«Сказание о Железном Волке» можно назвать романом-введением в теорию национального мировосприятия и мироощущения автора. Здесь намечены злободневные проблемы национального самосознания, национальных взаимоотношений, национальной политики, базирующиеся на исторически-бытовой почве: соблюдение/несоблюдение древнего нартского этикета «адыге хабзе», Кавказская и Гражданская войны, строительство Кубанского водохранилища. Проблемы сливаются в единый удачно обозначенный и талантливо раскрытый символ Железного Волка – всеразрушающего и всепоглощающего зла. По отношению к пушкинской нити, связывающей идею поэта в обоих романах, «Сказание о Железном Волке» можно определить как «предвкушение Пушкина». В этой книге Пушкин не является действующим героем, не присутствует как предмет мыслей персонажей. Но его поэтическое видение Кавказа и пронизанность этого видения идеей свободы составляют главный нерв романа.

Юнус Чуяко – писатель-новатор. Он разработал новый в адыгской литературе эпический жанр – роман-плач (гъыбзе) и представил читателю его классический образец – роман «Милосердие Черных гор, или смерть за Черной речкой». Роман состоит из 15 глав, предисловия и послесловия. Каждая глава – своего рода песня. Заданную автором общую тональность плача по русскому гению перемежают героические песни. Например, о Маше Дегужи-Нижегородской, о Хан Гирее – черкесе, царском офицере, о черкесах вообще и косовских адыгах-переселенцах в частности. Имеют место и «песни» Пушкина, посвященные горам, Кавказу, Ермолову... Собственно роман-плач складывается из общего запева об утрате гения, рефрена о Черных горах и Черной речке и многочисленных «песен» о жизни нынешней и прошлой, так умело сплетенных автором воедино, что граница между современностью и прошлым стирается окончательно. Следуя появившейся ныне тенденции в искусстве, – соединять и перемежать эпохи – автор

подчиняет все повествование единой цели: распространить, раздвинуть время, дать одновременную жизнь героям разных эпох, включая «лирическое Я». Задача писателя – развеять сомнения современного читателя или героя из прошлого и ответить на доставшийся по наследству конкретный пушкинский вопрос: *«Что делать с таковым народом?»*. В поисках удовлетворения сознания сегодняшний джегуако обращает свое внимание на известного сына Гор, «черкесского Карамзина» – Хана Гирея, автора «Записок о Черкессии». Но ответ лежит глубже, и, соответственно, пути познания уходят в глубины жизни духа.

Роман-плач пронизан «духовным единением» лирического героя с Пушкиным. Песнь их отношений самая длинная и оригинальная. С воспоминаний о школьном учителе Якубе Хуаде, его бесконечной любви к Пушкину, ненавязчиво переданной ученикам, в том числе и самому лирическому герою, начинается она. Открывается своеобразным обращением к великому поэту «А-Си» - «мой хороший», «мой дорогой», «мой свет» - так впервые о Пушкине заговорил аульский учитель, вложив в это обращение все свои знания, любовь и преданность русской литературе и культуре.

Именно это обращение «А-Си» позволило лирическому герою предпринять ряд действий, направленных на восстановление картины жизни и смерти великого гения. Обращение становится своего рода паролем, позволяющим передвигаться во времени и пространстве.

«А-Си» - и Пушкин, и лирический герой становятся махаджирами: *«... иногда он тоже был махаджир, он шел с нами и тоже что-нибудь нес»* [1: 9].

«А-Си» - *«Случалось и так, что мы уходили, а он только провожал. Бывало – шли без него, а он вдруг встречал на лошади, перегораживал тропу: ну, куда вы? – начинал сперва уговаривать, а потом уже кричал: ну, куда? И – зачем, зачем?!»* [1: 9].

«А-Си» - и лирический герой принимает судьбоносное решение: *«Это из-за него я и остался в ауле моем на плоской равнине»* [1: 9].

«А-Си» - смолкает шум времен: *«И вдруг раздался негромкий хлопок, в котором послышалось что-то отдаленно знакомое... Станный такой хлопок... И страшный»* [1: 25].

«А-Си» - *«Она (пуля) все летела и летела – будто меня испытывала, и я вдруг рывком кинулся вбок, стремительно подпрыгнул в броске, чтобы прикрыть вышедшего вслед за мной от Якуба путника в старинном длинном плаще и черном, как аульские деревья, цилиндре»* [1: 44].

«А-Си» - *«И я лежал, умирая вместо него...»* [1: 44].

В посещении дома-«сакли» Пушкиных с целью выражения соболезнований родным убиенного (*«ведь горе живет не один день»* [1: 17]) – горькое продолжение песни-плача. До последнего надеясь, что раненый не умер, лирический герой спешит организовать чапц для Пушкина – *«древний обычай наш собираться у постели тяжело раненного, и с песней джегуако о мужестве, с танцами девушек, с забавами молодых джигитов и угощением пожилых, вспоминающих свои былые наезды, проводить рядом с ним всю ночь, чтобы отвлечь его от боли и не дать заснуть...»* [1: 136]. По дороге он заходит за Ханом Гиреем, но тот уже находится у Пушкиных, вместе с кунаком Гарием Немченко, дедом Хаджекызом из первой части «Кавказской дилогии», девушками и джигитами. Неопытному еще джегуако Чуяко, должному по обычаю петь песню у постели раненого, приходит на помощь аульский табунщик Хаджекыз с песней о бесстрашном наезднике и его защитной рубахе, из которой вытряхивают пули:

У кого нет такой рубахи,

У того достают потом пули из тела – ей, терни! [1: 137].

Но рубаха эта по воле рока досталась не Пушкину, а Дантесу... Этой сценой обрывается незримая параллель Пушкин – Хаджекыз, намеченная в первой книге дилогии и раскрывшаяся через встречу у смертного одра Пушкина во второй книге.

Конкретизируя общефилософское понятие добра, автор проповедует идею о миссионерстве Пушкина на Кавказе и внедрении им символа русской культуры – самовара. Нововведение замечательным образом прижилось, о чем свидетельствует детская игра в «Сэмаур» («Самовар»), к которой неоднократно обращается прозаик на страницах романа. Восстанавливающая сила этой игры велика. Она способна участвовать в решении межнационального конфликта и дать ответ на тот, острый, словно кинжал, вопрос: «Что делать с таковым народом?» Ответ: «людиться» - «добрососедствовать», «найти место рядом с теми, кто не предаст тебя в трудную минуту» [1: 157]. «В этом единстве усилий адыгский прозаик видит возможность самосохранения и устойчивого будущего каждой нации», - отмечает критик Е.П. Шибинская [2: 6]. «Людиться» - ответ на все времена. «Людиться» нужно было тогда, во время Кавказской войны, «людиться» нужно сейчас, когда идет война миров.

Несколько «песен» встречается у джегуако по ходу повествования о жизни современной, и все они далеко не об идеальной, мирной, доброй жизни. Ему, народному слагателю, с высоты своей соловой лошади гораздо виднее, слышнее, потому поет он о появившейся неизвестно откуда «заразе» в Черных горах. Пересказывая мудрое и оригинальное высказывание аульского старика о «заразе-нефти», «хулигархах», ее распространивших, санитарном «картоне», пропускающем не воду, а кровь, лирический герой печалится о племени сегодняшнем и просит бога о защите: *«Убереги их, добрых приезжих-то, от трудностей пути, злого намерения, печального зрелища... Устрой им благополучное возвращение»* [1: 77-78].

Доказывая в романе существование Высшей истины и Вечной справедливости, автор приводит факт возвращения косовских адыгов на родную землю Республики Адыгея. О них заключительная песнь – «последняя, очень добрая глава» [1: 164]. Пусть их вернулась лишь «горстка», пусть утекло много воды «из горной красавицы-реки Шхагуаше», но время все возвращает на круги своя и человеческая радость не знает границ: *«Как обнимались мы ...как братья, которые сто пятьдесят лет не виделись..., привыкая друг к дружке, как бы один одного рассматривая...»* [1: 162]. Фигура девятиностосемилетнего абадзеха Шугаиба Жьэу знаменательна. Вернуться на родину в конце жизни, сбросить многолетний груз тяжелых мыслей – это ли не облегчение: *«...Аллаху, видно, было угодно подарить нам это счастье возвращения...»*, - говорит старик со слезами на глазах [1: 164]. Его судьба – судьба целого народа.

Таким образом, Юнус Чуяко представил вниманию широкой аудитории произведение, несущее глубокую, не видимую неподготовленным глазом, но архиважную созидательную цель – познакомить читателя с национальной культурой, адыгским менталитетом, самосознанием и самовыражением народа; донести информацию, помогающую развязать гордиев узел межнациональных распрей, выбрать верный, позитивный путь развития человеческого общества. Кроме того, он сумел сквозь призму пушкинского времени акцентировать внимание на проблемах современности и наметить пути их наименее болезненного решения. Решения, которое, объединяя эпохи, стремительно несет в будущее рациональное зерно толерантности и уважения.

Примечания:

1. Чуяко Ю. Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой. Майкоп, 2003. 176 с.
2. Шибинская Е.П. Поэт и Кавказ // Советская Адыгея. 2004. 16 дек.